

Малика Икрамова

ТАСЪКА

Пьеса

16+

Малика Саидхакимовна Икрамова

Таська

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63069756

SelfPub; 2020

Аннотация

Автор дарит читателям поразительно интригующую пьесу о знаменитом русском писателе Михаиле Афанасьевиче Булгакове. Его произведения знает каждый школьник, но на уроках так мало внимания уделяют истории самого Булгакова. Быть может, уважаемого писателя действительно можно почитать лишь за его творчество? Каким он был человеком? Ответы на эти вопросы были спрятаны писательницей на страницах "Таськи", при создании которой она плодотворно потратила много времени, изучая записки современников, документы и факты, чтобы представить наиболее правдивую историческую пьесу.

Содержание

Действующие лица	5
Действие первое	6
Действие второе	17
Действие третье	24
Действие четвертое	32
Действие пятое	36
Действие шестое	44
Действие восьмое	53

Малика Икрамова
Тасъка

Действующие лица

Булгаков Михаил Афанасьевич (Миша)

Лаппа Татьяна Николаевна (Таська)

Булгакова Варвара Михайловна, мать Миши

Булгакова Варвара Афанасьевна (Варя), сестра Миши

Булгакова Вера Афанасьевна (Вера), сестра Миши

Отец Александр

Булгакова Надежда Афанасьевна, сестра Миши

Воскресенский Иван Павлович, друг семьи, а впоследствии отчим Миши

Медсестра

Действие первое

Апрель 1913-го. Гостиная Булгаковых. Прямо, в конце сцены, – большое окно, задрапированное кремовыми шторами, рядом с окном, узким концом к нему, большой, покрытый скатертью обеденный стол, справа – пара покойных кресел и лампа под абажуром, за ними – изразцовая печка и дверь. Слева (ближе к зрителю) видна часть прихожей, из нее выход прямо в гостиную. За выходом из прихожей, ближе к окну – еще одна дверь. В креслах беседуют Варвара Михайловна и отец Александр, Вера и Надя накрывают на стол, по ходу действия то появляясь, то выходя из комнаты.

Варвара Михайловна. Вы только поймите меня правильно, я ничего не имею против Тази – она милая, добрая девочка. Но что это будет за брак?

Варя (*появляясь из левой двери и начиная расставлять тарелки на столе*). Мама переживает, а по-моему, все у них будет хорошо. Они ужасно подходят друг другу. И оба совершенно сумасшедшие. Забавно, что именно мама их и познакомила.

Варвара Михайловна. Да, и не перестаю сожалеть об этом. Но, кто, скажите на милость, мог представить, что трогательная детская привязанность выльется в такую страсть? Вы ведь знаете нашу эпопею? Нет? Ну, так вот – пять лет назад

Тася приехала на каникулы к тете, Софье Николаевне... Вы Софью Николаевну ведь знаете?

Отец Александр. Софья Николаевна? Простите, не припоминаю...

Вера (*появляясь с салфетками*). Ну как же Вы не помните? Это та, что с мамой работает. (*Уходит.*)

Отец Александр. Позвольте, это ведь та дама из Фребелевского общества?

Варвара Михайловна. Совершенно верно. Так вот, Софья Николаевна попросила меня, чтоб Миша показал девочке город. Ну что, казалось бы, такого? А вот поди-те же – началось совершенное безумство. Все лето прогулки с утра до ночи, потом бесконечная переписка... А что мы пережили, когда родители не пустили Тасю в Киев зимой на каникулы?! Миша собирался стреляться! Слава Богу, обошлось!

Отец Александр (*перекрестясь*). Спаси Господь!

Варвара Михайловна. Представьте себе! Саша Гдешинский, Мишин закадычный друг, шлет в Саратов телеграмму: «Телеграфируйте обманом приезд Таси. Миша стреляется». Ну, там, понятно, все в ужасе. Николай Николаевич, отец Таси, тут же пересылает эту телеграмму Софье Николаевне, Софья Николаевна, натурально, бежит с ней ко мне. Можете вообразить себе, что я как мать должна была тогда почувствовать?! Вера, ты ведь помнишь как это все было?

Вера (*вносит судки со специями*). Ну, еще бы не помнить! Вы тогда еще так смеялись с тетей Соней надо всей этой ис-

торией...

Варвара Михайловна. Зато теперь мне не до смеха. Вы поймите, отец Александр, ведь все, все были против этого романа. Николай Николаевич, просил меня строго поговорить с сыном. Но куда там?! Миша и слышать ничего не желал. Начал ездить к Тасе в Саратов. Раз шесть, наверное, катался...

Варя (*выносит в судке столовые приборы и раскладывает их*). Семь, не меньше.

Варвара Михайловна. Ну, вот видите? Семь! Забросил занятия медициной, даже экзамены не стал сдавать. Остался на повторный курс. А потом подбил Тасю поступить на Высшие женские курсы в Киеве. А ведь родители хотели отправить ее в Париж...

Вера (*уходя из комнаты*). Мне кажется, сейчас Миша занимается очень даже усердно.

Варя (*выходя за ней*). В самом деле, мамочка. По-моему, Миша, наконец, взялся за ум.

Варвара Михайловна. Да, как будто. Экзамены, слава Богу, выдержал, ходит на лекции, занимается в библиотеке... А Тася? Тася сидит рядом и читает роман. (*Всхлипывает, прижимает платок к глазам*).

Отец Александр (*берет ее руку в свои*). Варвара Михайлова, голубушка, ну полно, полно. Бог все устроит к лучшему.

Варвара Михайловна (*утирая слезы*). Если б я хотя бы могла надеяться на хороший результат этого брака. Но, к со-

жалению, никаких данных с обеих сторон к каким бы то ни было надеждам я не вижу и это меня приводит в ужас. Посудите сами, все, что у нас есть – это три тысячи рублей в год, которые мне платят после смерти Афанасия Ивановича. Я своим детям не могу дать ни приданного, ни капитала. Единственный капитал, который будет у Миши – это образование. А семья Лаппа из богатых, девочку баловали с малых лет. Тася рассказывала, мать ей даже платья самой не позволяла убрать. Зачем, если есть горничная? (*Покачав головой и недоуменно пожимая плечами.*) Ну, как они будут жить вместе? А, главное, на что?

Отец Александр. Да, рановато дети собрались свое гнездо вить, рановато. Все же, я думаю, отчаянию Вам предаваться, Варвара Михайловна, не гоже. Все устроится в свое время, и птенцы ваши оперятся. Скажите, а говорили ли Вы с ними об ответственности их решения?

Варвара Михайловна. С Мишей говорить бесполезно, он и слышать ничего не хочет. Пробовала я поговорить с Тасей, отговорить ее от этого шага. Объясняла ей, что семейная жизнь – это очень серьезно, что Мише надо учиться. И лучше бы им подождать пару лет, когда он станет, наконец, доктором... (*Безнадежно*). Улыбается и молчит. Ну что прикажете делать?

Отец Александр (*вздыхнув*). Что ж, Варвара Михайловна, по-моему, так уж лучше бы Вам повенчать их.

Варвара Михайловна. Ничего другого и не остается. Ве-

рите, все это сумасшествие совершенно измочалило меня... Дела-то у нас, по сути, обстоят так: либо венчание со скандалом и разрывом с родными, либо уж нам покориться. Тасины родители давно смирились. Придется, видно, и мне уступить.

Отец Александр. Когда хотят молодые венчаться?

Варвара Михайловна (*промокнув глаза платком*). Сразу после Пасхи, двадцать шестого апреля. (*Горячо.*) Прошу Вас, заклинаю, поговорите с Мишей. Если он кого и послушает, так только Вас.

Отец Александр. Поговорю, поговорю, разумеется. Но только, по совести Вам сказать, Варвара Михайловна, надежды у меня мало.

Варвара Михайловна. А все ж таки попробуйте. Вас Миша искренне уважает...

В прихожую тихонько входят Миша и Тася. Тася украдкой заглядывает в гостиную, видит там склонившихся друг к другу головами и тихонько беседующих Варвару Михайловну и отца Александра.

Тася (*шепотом*). Отец Александр пришел. С Варварой Михайловной сидит. Она плачет опять. Ну, это они, конечно, про нас говорят. Знаешь, Миша, твоя мама очень не хочет, что бы ты женился.

Миша (*обнимая Тасю сзади и целуя в шею*). Ну, мало, что она не хочет, а я все равно женюсь.

Тася (*принюхиваясь*). Чем это пахнет?

Миша (*тоже принохиваясь*). Картошкой и постным маслом. У нас всегда неделю перед Пасхой говеют. Мама особенно настаивает.

Тася (*скорчив гримасу отвращения*). Бэээ. У нас никогда не говели. Терпеть не могу постное.

Миша. И я. Да мы просто посидим с ними. А потом....

Тася (*радостно взвизгнув*). В ресторан?!

Миша. Точно!

Тася. На авто?!

Миша. Само собой! (*Берет ее за руку, тянет по направлению к гостиной.*) Ну, пошли?

Тася (*кивнув*). Да.

Миша. Стой! (*Быстро и страстно целует ее в губы.*) Идем! (*Громко, входя в гостиную.*) Доброго дня всем добрым людям. Mamочка, мы пришли.

Варвара Михайловна. А... Ну, наконец-то. (*Отцу Александру.*) Спасибо Вам, дорогой мой, за сочувствие. Мне стало легче после беседы с Вами. (*Мише.*) Миша, отец Александр хотел бы с тобой поговорить. (*Тасе.*) Тася, Вы не против? (*Тася отрицательно качает головой.*)

Отец Александр и Миша уходят в дверь направо. В гостиную с хлебом и супницей входят Вера и Варя. При виде Таси быстро ставят их на стол и кидаются к ней.

Вера (*обнимая Тасю*). Здравствуй, Тасенька!

Варя (*берет ее за руки, дружески трясет их и смотрит радостно на нее*). Тася! (*Увидев браслетку на ее руке.*) Что

это? Прелесть какая!

Тася (*поднимая руку повыше и давая всем полюбоваться*).
Браслетка. Мама подарила к свадьбе.

Вера. Замечательно красивая. Золотая?

Тася. Конечно, золотая. Мама обожает золото.

Варя (*с восторгом рассматривая браслетку*). Вера, посмотри – буква «Т». «Т» – это Тася?

Тася (*счастливо смеется*). Мама выгравировала. На удачу. Миша говорит, эта браслетка у нас будет счастливым талисманом. На венчание ее одеть собирается.

Варвара Михайловна (*неодобрительно*). Ну вот, новые глупости. Тася, я хотела спросить, что твои родители? Они приедут на свадьбу?

Тася. Будут мама и бабушка. И тетя. Папа сто рублей прислал. Бабушка мне хочет фату купить (*смеется*), да только я ни в какуюю.

Варвара Михайловна (*недоумевающе*). Почему же, Тася? Фата – это очень красиво.

Тася (*заливается*). Я? В фате?! Ну, нет.

Варвара Михайловна (*безнадежно*). Кольца у вас есть? (*Взглянув на Тасю.*) Ну, я так и думала. Кольца я куплю. Простыни и наволочки мы пошили, только осталось метки сделать. Тетя Соня показала мне образ, который мама тебе прислала к венчанию. Очень хороший. Я Мише под пару, почти такой же достала. (*Вспомнив.*) Тася, я просила отца Александра венчать вас. Ты не против? (*Кивнув.*) Что еще? (*Бе-*

рется за голову.) Боже мой, боже мой, голова кругом.

Вера (*берет маму под руку, ведет к столу*). Мама, давайте лучше сядем.

Все идут к столу, рассаживаются. Варя разливает из супницы суп по тарелкам.

Варя. Тася, вы же после свадьбы с нами жить будете?

Тася. Нет, мы на Рейтарской пока.

Вера. Вы только смотрите – не забывайте нас, приходите почаще.

Тася (*смеясь*). Придем, придем. Каждый день навещать будем.

Варя. Ой, Тася, я забыла совсем – Надя вам шлет из Москвы привет и поздравления. Вот, держи. (*Передает письмо.*)

Тася. Спасибо. (*Хватает письмо, читает, весело смеется, но, перехватив осуждающий взгляд Варвары Михайловны, краснеет и убирает письмо в карман.*) Я лучше потом прочту.

Варвара Михайловна. Тася, ты почему не ешь совсем?

Тася. Не знаю. Мне не хочется.

Входят отец Александр и Миша. Варвара Михайловна украдкой посылает вопросительный взгляд на отца Александра. Тот чуть заметно в ответ отрицательно качает головой. Варвара Михайловна сокрушенно вздыхает.

Отец Александр. Ангела вам за трапезой.

Варвара Михайловна. Благодарствую. Садитесь, отец Александр. (*Показывает Мише на место за столом рядом*

с собой.) Миша. *(Тот садится рядом с ней, послав Тасю через стол веселую пантомиму, изображающую его необходимость подчиниться матери. Тася, Вера и Варя прыскают со смеха.)* Варя, налей им супа, пожалуйста. Что-то я смешное сказала?

Миша *(приняв нарочито постный вид)*. Ну что ты, мамочка. Это они чихают.

Варвара Михайловна *(недоверчиво)*. Чихают? Все разом? Это что же, они больны, что ли?

Миша *(с тем же видом, печально)*. Нет, это аллергическое.

Варвара Михайловна *(так же недоверчиво)*. Аллергическое? А позволь спросить тебя, на что же это у них так вдруг аллергия объявилась?

Миша *(так же печально)*. А это, мамочка, у них постная аллергия. На чрезмерное благолепие и благочестие. *(Не выдержав, громко смеется. За ним заливаются сестры и Тася.)*

Варвара Михайловна *(вспыхивает,)*. Миша не смей! Не смей с этим шутить! Стыд-то какой! И это при отце Александре!

Отец Александр *(примиряюще)*. Варвара Михайловна, голубчик мой, не принимайте к сердцу. Пусть их смеются, на то и молодость, чтобы радоваться. Повзрослеют – образумятся.

Слова отца Александра смущают Мишу, он, почувствовав себя неловко, не знает, что сказать.

Миша (*внезапно решившись, встает*). Спасибо, мама. Нам пора. Тася? (*Тася радостно вскакивает из-за стола.*)

Варвара Михайловна (*всполошившись*). Куда? Вы и двух ложек не съели. Ну, хоть картошки поешьте. (*Варе.*) Варя, принеси.

Миша (*тянет за руку Тасю прочь из комнаты*). После, после. Очень дел много. До свиданья. Отец Александр... (*Кивком головы прощается с отцом Александром.*)

Отец Александр (*ласково*). Благослови Господь.

Миша с Тасей *выскальзывают в прихожую и там, зажимая себе рот руками, прыскают со смеху. Из гостиной доносятся звон ложек и приглушенные голоса.*

Миша (*отсмеявшись*,). Ну, еле удрали.

Тася (*весело смеясь*). Как ты это... с аллергией... (*Внезапно посерьезнев.*) Миша, а что нам с этим делать? (*Похлопывает себя легонько по животу.*) Ты нашел доктора?

Миша (*посерьезнев*). Нашел. Да только деньги нужны. (*Внезапно, просяв.*) Таська, сколько тебе папа прислал?

Тася. Сто.

Миша. Ого!

Тася. Хватит?

Миша. Еще как! Еще и останется! (*Схватив Тасю в объятия.*). Таська, голодная?

Тася. Прямо умираю!

Миша. Айда в ресторан?

Тася (*восторженно*). Айда!

Взявшись за руки, молодая пара выскользывает из прихожей. Слышится, как они с грохотом сбегают вниз по лестнице. Вера с Варей подходят к окну и смотрят на них сверху.

Вера (*задумчиво*). Знаете, а я в конце концов рада за них. Они ведь за это время тоже совершенно извелись и издергались. А теперь для нас всех как будто нашло успокоение.

Варя (*подходя к ней и обнимая ее за талию*). Я тоже рада. Мне Тася очень нравится. Она славная. А все-таки Надя очень верно написала про них в письме. (*Цитирует.*) «Как они оба подходят друг к другу по безалаберности натур! Любят они друг друга очень, вернее – не знаю про Тасю, но Миша ее очень любит...».

Варвара Михайловна сокрушенно вздыхает и с сомнением покачивает головой. Отец Александр, встав рядом с ней и взяв ее руку в свои, что-то тихое и успокоительное говорит ей на ухо. Снизу издали доносятся затихающие шаги и веселый беззаботный смех Миши и Таси.

Конец первого действия

Действие второе

Сентябрь 1916-го. Квартира Нади в Москве. Скромная комната, посредине – накрытый стол, справа – диван. На нем полулежа устроилась с книгой Надя. Тишину прорезает резкий дверной звонок. Надя бежит открывать дверь. На пороге – Миша и Тася, с чемоданами и узлами.

Надя (*взвизгнув, повисает на шее у брата*). Миша! (*Бросается к Тасе, обнимает и целует ее.*) Тася! Ну, наконец-то! Приехали! (*смеясь и плача от радости*) А худые-то, худые совсем! От Таськи одни глаза остались, а все-равно красавица... Ой, да что ж это я вас на пороге держу?! Ну, идемте, идемте, будем устраиваться... (*Бросается помогать втаскивать в квартиру их узлы.*) Недельку-то хоть поживете?

Миша (*занося вещи, радостно посмеиваясь*). Какое! Много три дня, а там и поедем в Сычевку.

Надя (*расстроено*). Да ведь столько не виделись... Неужели же нельзя задержаться?

Миша (*разматывая шарф и скидывая пальто*). Нельзя, Надя, нельзя. (*Вытягивается во фронт и четко по-военному докладывает.*) Булгаков Михаил Афанасьевич, определен врачом резерва Московского окружного военно-санитарного управления и откомандирован в распоряжение смоленского губернатора.

Тася (*снимая пальто*). Мы уж и то задержались. Мишу

еще в июле откомандировали, да мы что-то провозились со сборами.

Надя (*хлопоча у стола*). Ну, за стол, за стол! Тасенька, вина? Миша, налей. И мне. Ох, забыла совсем – у меня ж для тебя вот что есть... (*Бросается к буфету и с тожеством достает графинчик.*) Анисовая!

Миша. Красота! (*Открыв пробку графинчика и с удовольствием вдохнув, наливает рюмку.*) Ну, Наденька, за встречу!

Тася и Надя (*вместе*). За встречу!

Бокалы со звоном чокаются, отпив по глотку молодые люди начинают накладывать себе на тарелки угощение. Весело звенят ножи и вилки.

Надя (*угощая гостей*). Тася, возьми буженину, пожалуйста, очень вкусная. (*Передает тарелку.*) Миша, грибочков домашних? Рыжики? Давай, положу. (*Накладывает ему рыжики.*) Ну, как вы жили там? Все, все рассказывайте.

Тася (*смеясь*). Да что? Ты все и так знаешь. Мы с Мишей тебе уж обо всем писали. Да и Вера с мамой, наверняка пишут.

Миша. А Андрей? Про Андрюшу – забыла? Как он, кстати? Чудно все-таки жизнь складывается – мы из Киева под Смоленск едем, а Андрея из Москвы занесла судьба в Киев. Вы когда женитесь?

Надя. На будущий год собирались.

Миша. Ну, дай вам Бог. Мне он кажется человеком порядочным и симпатичным.

Тася. Я ужасно рада за вас. Андрюша очень милый, правда.

Миша. Поверить не могу – маленькая Надька замуж выходит!

Надя (*смеется*). Ну, да ведь не вышла пока. Так и говорить не о чем. Про себя расскажите лучше.

Миша (*неохотно*). Да что рассказывать? Курс наш, ты знаешь, был выпущен досрочно. Сдали мы экзамены уже в апреле. Военная необходимость, ничего не попишешь. (*Закуривает.*

Тася (*смеясь*). А знаешь, Надя, Миша на все выпускные экзамены мою браслетку одевал. Помнишь, ту, что мама мне подарила? Он все еще верит, что она счастливая.

Миша (*убежденно*). Определенно счастливая. Ну, стало быть, экзамены сдали, записался я в Красный крест, добровольцем. Начал работать в Киевском военном госпитале, а вскоре нас поближе к фронту перебросили – в Каменец-Подольский. (*Встает из-за стола и уютно усаживается на диван.*). А в начале мая Таська ко мне приехала.

Надя. Ты все-таки ужасный эгоист, Миша. Ну зачем же обязательно было жену в эту дыру с собой тащить?

Тася (*с улыбкой*). И вовсе даже и не дыру. Между прочим, очень симпатичный оказался городок. И устроились мы там вполне прилично – Мише командование выделило небольшую комнатку на территории госпиталя.

Надя. Таська, ты – сумасшедшая. Тебе ведь там, наверное,

и заняться нечем было. И знакомых – никого. А Миша целыми днями в госпитале.

Миша. Я, бывало, и по суткам из операционной не выходил. Ты представить себе не можешь, что там творилось. Раненых везли беспрестанно, и всех почти тяжелых. Мы буквально валялись с ног, а толку чуть. Врачей не хватало, сестер, медикаментов...

Тася. Это правда. Ну, вот я тогда и решила ему помогать. Инструменты научилась стерилизовать, бинты... (*Со счастливой улыбкой.*) А все ж таки иногда удавалось и по городу погулять. Миша меня все на набережную таскал, с нее был совершенно потрясающий вид на старую крепость. Особенно на закате, когда от реки дымка и солнце сквозь нее, так прямо дух захватывает. Эти все башенки старинные, лестницы, храмы, они вдруг становились призрачными, какими-то нездешними. Ну, я не умею сказать...

Надя (*зачарованно*). Боже мой, как это должно быть прекрасно. Мне кажется, так мог выглядеть в закатных лучах древний Ершалаим...

Миша (*резко, выходя из задумчивости*). Что? Как ты сказала?

Надя (*слегка удивленно*). Ершалаим. Это древнееврейское название Иерусалима. А что?

Миша (*снова погружаясь в задумчивость*). Нет-нет, это я так... Вдруг померещилось что-то. (*Тихонько бормочет.*) Ершалаим, Ершалаим... (*Закрывает глаза и задрёмывает.*)

Тася (*тихонько*). Нам там было очень хорошо. Я понимаю, война кругом, горе и все такое, а только мы там были абсолютно счастливы. Только все это быстро закончилось – в конце мая приказ вышел, чтоб члены докторских семейств покинули город. Ну, меня тут же на поезде в Киев отправили, а Мишу перевели в Черновицы. (*Оборачивается на Мишу.*

Надя (*шепотом*). Уснул?

Тася (*шепотом*). Спит. (*Наклоняется ближе к Наде.*) Две недели я в Киеве промаялась, и тут вдруг приходит телеграмма от Миши, чтоб мне к нему ехать. Я как была, в летнем платье, так и полетела на вокзал скорей. Даже вещей с собой не взяла. (*На цыпочках подходит к дивану, укрывает Мишу пледом*) Приезжаю на станцию Орошаны, а солдаты меня не пускают – пропуск нужен. Хорошо, Миша меня встречать приехал. Он им вместо пропуска рецепт какой-то сунул. Они неграмотные, ничего, пустили.

Надя. Ой, Таська! А если б догадались?

Тася (*пожав плечами*). Ну, домой бы меня отправили и все дела. (*Берет со стола яблоко и сочно отгрызает большой кусок.*) Там я опять с Мишей в госпитале работала. Он ноги ампутрует, а я держу.

Надя. Господи, Таська! Страсть-то какая! Неужели же тебе совсем не страшно было?!

Тася (*с аппетитом грызя яблоко*). В первый раз дурно стало. А потом ничего. Привыкла.

Миша (*просыпаясь*). Я, кажется, заснул. Чертовски спать

хочется.

Надя (*вскакивает с места*). Сейчас постелю...

Миша. Нет, погоди. Иди сюда. (*Собирается с мыслями.*)

Надя, ты что-нибудь слышала про мамину (*заминается*)... ну, болезнь, одним словом?

Надя. Мама писала, что прихварывает иногда, ну и все.

Миша. Я получил известие – от кого не скажу, не спрашивай – в общем, подозревается рак. Маму волновать не хочу, а симптомы узнать надо бы... Как думаешь, к кому написать?

Надя. К кому? Господи, да к Ивану Павловичу, конечно!

Миша (*саркастически*). Ну, конечно! К кому же еще?!

Тася. А чего же лучше? Он ведь доктор.

Надя. Да к тому же старинный друг семьи. И маму видит постоянно.

Миша. Вот-вот! Именно! Постоянно! Постоянно гостит по выходным у нас в Буче на даче, постоянно торчит в киевской квартире, то сидит допоздна, а то и ночевать останется. (*Раздражаясь все сильнее.*) Я просто... Я просто поражаюсь, что мама затеяла роман с этим доктором! Она его на десять лет старше! Парочка какая, пф-ф!

Надя (*примиряюще*). Миша... (*Пытается взять его руку.*)

Миша (*делая вид, что не замечает, смотрит на часы*). Что это? Время-то какое позднее. Ну, вы барышни, как хотите, а я спать ложусь.

Бросается на диван, лицом к стене, и демонстративно похрапывает. Тася с извиняющейся улыбкой разводит ру-

ками. Надя, обескураженная этой выходкой, сначала стоит столбом, потом выключает верхний свет. Мягко горит лампа под абажуром. Две женщины смотрят друг на друга. Медленно, постепенно, гаснет и этот свет.

Конец второго действия

Действие третье

Март 1918-го года. Квартира Булгаковых в Киеве. Справа на сцене кабинет Ивана Павловича Воскресенского. Из него направо – дверь. Иван Павлович работает за столом. Кабинет уютно освещен светом настольной лампы. Слышится негромкий женский плач. Иван Павлович поднимает от бумаг голову, прислушивается. Идет к двери, открывает ее и вглядывается в темноту.

Иван Павлович (*тихо*). Тася? (*Исчезает за дверью и появляется, ведя с собой под руку Тасю.*) А ну пойдём, пойдём. Садись-ка. (*Открывает шкафчик, достает склянку и капаёт что-то в стакан. Наливает воды из графина и протягивает стакан Тасе.*) А теперь, дружок, выпей-ка это. Вот так.

Тася. Спасибо.

Иван Павлович несколько раз проходит по кабинету туда-сюда, теребя бороду и искоса взглядывая на Тасю. Наконец, он решается.

Иван Павлович. Тася, голубчик, ты прости, если я не в свое дело лезу, но только я думаю, с Мишей что-то неладное творится... Я прав? (*Тася наклоняет голову.*) Ну вот, я же вижу. Я наблюдал за ним эти дни и, мне кажется... Дай Бог, конечно, чтоб я ошибся, мне даже подумать страшно... А только кажется, что он... морфинист? (*Тася еще ниже на-*

клоняет голову. Иван Павлович садится напротив Таси, в возбуждении.) Как долго?

Тася (*еле слышно*). Почти год.

Иван Павлович (*хватается за голову*). Год! Господи помилуй, как же это случилось?

Тася. К нам в Никольское весной ребенка привезли с дифтеритом. Миша трахеотомию делал. В горло трубочку вставил и стал пленки отсасывать... Потом говорит, мне, кажется, пленка в рот попала. Надо прививку сделать. А после прививки началось – сыпь, зуд по всему телу, лицо распухло – жуть. И ноги... Ноги у него болели страшно.

Иван Павлович. Ну, понятно, понятно. Я Мишу знаю. Он, конечно, не мог выносить?

Тася. Не мог. Велел фельдшерицу позвать, чтоб морфий впрыснула. После укола он успокоился сразу, заснул. И ему это очень понравилось. А потом Мише как-то опять плохо стало. Он снова морфий впрыснул. Так и пошло... Я плакала, просила его бросить, а он смеялся только. Говорил, что бросить сможет в любой момент, как только захочет, да ему это не мешает. Даже напротив, внимание помогает сконцентрировать... А только после сам испугался, пробовал на папиросы с опиумом перейти.

Иван Павлович. После морфия, это как слону дробины. Я полагаю, ничего из этого не вышло?

Тася. Не вышло... Постарел и похудел страшно. Мама у нас летом с братьями гостила, все спрашивала меня – что

с Мишей. Только я ей не сказала. Он ужас как боялся, что узнает кто. Умолял не говорить никому. Боялся очень, что его в психиатрическое заберут. Да у нас все равно догадываться стали – морфий в нашей больничной аптеке он извел весь. Пробовал в других аптеках доставать ... И там тоже скоро коситься стали. Вот он и говорит – уезжать надо ... Перевода добился, в сентябре переехали в Вязьму... А там стало еще хуже – чуть проснемся, он мне сунет поддельный рецепт и гонит новую аптеку искать. Знаете, я ему соврала как-то...

Свет в кабинете гаснет, загорается свет в левой части сцены. Комната. По комнате от окна к двери мечется Миша, периодически выглядывая в окно или прислушиваясь к шагам у двери. Входит Тася. Он бросается к ней.

Миша. Ну, наконец-то. Давай сюда, скорее.

Тася. Миша, постой... *(Медленно снимает пальто.*

Миша. Что еще?

Тася. В аптеках нет...

Миша. Что?

Тася. Нигде нет. Я все обошла... *(Оставляет пальто на спинке стула, подходит к нему.)* Миша, послушай, может это к лучшему? А? Ну, раз нет нигде, что же делать? Придется уж потерпеть... Я знаю, тебе трудно будет, а только все равно ведь надо заканчивать... Смотри, какой ты стал – худой, как кощей. Вон, руки прозрачные совсем. *(Берет его за руки.)*
Миша...

Миша (*вырывается*). Потерпеть? Да разве ты понимаешь?! Что ты вообще можешь понять?! Пусти! (*Отталкивает ее, Тася отлетает, ударяется головой о стену. Он, не замечая, мечется по комнате*). Не может быть! Не может быть, чтоб нигде не было! А в дальней? За мостом? Там спрашивала?

Тася (*плача*). Нигде нет, нигде...

Миша. Врешь! Врешь!! Врешь!!!

Хватает со стола зажженную керосиновую лампу и швыряет в Тасю. Она уворачивается, лампа разбивается, вспыхивает коврик. Тася срывает с кровати покрывало и начинает тушить им огонь. В это время Миша как безумный бросается к ее пальто, начинает выворачивать карманы. Находит ампулы и одним прыжком бросается с ними за шприцом. Делает укол и блаженно замирает. Теперь прожектор освещает только его. Он медленно опускается на стул. Звучит сначала тихо, а потом все громче и громче ария Амнерис. Свет потихоньку гаснет. Вспыхивает свет в правой части сцены.

Иван Павлович (*в беспокойстве шагает по кабинету*). Невозможно! Невозможно!! Какая чудовищная психическая деградация личности в какие-нибудь полгода... И это Миша, наш Миша! Я и предположить не мог, что дело обстоит так серьезно. Нет, даже – катастрофично! Надо найти что-то, что могло бы его удержать от саморазрушения, какой-нибудь мощный стимул, такой, чтобы заставил его отказаться

от морфия. *(Озаряется мыслью.)* Может быть... ну, да, конечно! Тася, послушай, ты не думаешь, что может быть ребенок...

При этих словах Тася закрывает ладонями лицо и сжимается в комок, как от боли. Иван Павлович осекается на полуслове и пораженный взирает на нее. Свет на правой половине сцены гаснет. Вспыхивает на правой. За столом при свете керосинки что-то увлеченно пишет Миша. Постель приготовлена ко сну. Входит Тася, расчесывая волосы. Она в ночной рубашке, чему-то улыбается.

Тася. Миша, ложись. Поздно уже.

Миша. Ты спи. Я еще посижу.

Тася *(садится на постель)*. Опять полночи не спать будешь? Что ты пишешь?

Миша. Я не хочу тебе читать.

Тася. Почему это?

Миша. Ты очень впечатлительная. Скажешь, что я болен.

Тася украдкой, на цыпочках подкрадывается к его столу и заглядывает через плечо в исписанные листки.

Тася *(торжествующе)*. Зеленый змий... Так вот о чем ты пишешь! Миша, а что это за змий?

Миша *(раздраженно)*. Таська, уйди. Не мешай.

Тася. Хорошо. Ты не сердись только. На меня сейчас нельзя сердиться. *(Возвращается на кровать и сидит там, чему-то улыбаясь.)* Знаешь, Миша, у нас будет чудесный ребенок.

Миша встает из-за стола. Подходит к окну и стоит, в оцепенении, бездумно вглядываясь в черноту стекла. Тася в мучительном ожидании смотрит на него.

Миша (*не поворачивая головы, жестко*). В четверг я проведу операцию.

Тася (*вскакивая и в ужасе заслоняясь руками*). Нет... Нет. Нет! (*Вскакивает и выбегает из комнаты в дверь, закрыв за собой с другой стороны задвижку.*

Миша (*бросается к двери, рвет на себя ручку, стучит остервенело кулаком*). Тася! Таська, открой! Открой немедленно! Ты что, не понимаешь сама, что это будет? (*Слышно рыдание Таси из-за двери.*) Урод, калека. Ты этого хочешь? Сама ведь потом пожалеешь. Лучше сейчас развязаться. Таська, ну послушай, я врач, и знаю, какие у морфинистов дети бывают! Насмотрелся достаточно. Таська!

Свет в правой части сцены гаснет. Вспыхивает в левой.

Тася (*сидит, опустив голову, как бы про себя*). Он таких операций не делал раньше. Я уже в операционной лежала, а он все листал справочник... Я как-то почувствовала, что что-то не так пошло, не правильно... И у меня слезы сразу и только мысль одна: «Все, детей больше не будет». А потом слышу – Миша ампулу сломал с морфием. Сделал себе укол и на диван повалился... (*Поднимает голову, пристально смотрит в глаза Ивану Павловичу.*

Иван Павлович. Тася, бедная моя... Ты такой крест взвалила себе на плечи. Эта жизнь – это ведь ад, ад кромешный!

Неужели так любишь его?

Тася. Люблю. А сбежать все равно много раз хотела, вот так просто все бросить и уехать... Потом посмотрю на Мишу, а он такой, знаете, жалкий, несчастный... Как же я его оставлю? Кому он нужен? Ну, и оставалась... Иван Павлович, вы – доктор. Скажите, что делать?

Иван Павлович. Я, Тасенька, всего лишь детский доктор... У моих пациентов, по счастью, такие случаи не в ходу, все больше свинка или коклюш. Я, конечно, стараюсь читать медицинскую периодику, но все же знания мои в этой области очень поверхностные. Однако, насколько мне известно, случаев исцеления от морфинизма практически не было... *(Тася зажимает рот руками и судорожно рыдает. Иван Павлович бросается утешать ее.)* Тася, родная, ну перестань. Мало ли что в медицинских журналах пишут, это болезнь новая, мало изученная. И статистика по ней некудышная... Я вот что думаю, а если нам раствор морфия заменить на дистиллированную воду?

Тася *(рыдая)*. Пробовала, пробовала уже. Только Миша сразу все понял. Он тогда разозлился ужасно, шприц в меня швырнул...

Иван Павлович. Нет, Тася, нет. Так сразу нельзя, конечно... Разбавлять раствор водой потребуеться постепенно, процесс это долгий, может растянуться на многие месяцы...

Тася *(с надеждой)*. Пусть, пусть на месяцы. Лишь бы получилось. Ведь может получиться?

Иван Павлович. Будем надеяться. Попробовать, несомненно, стоит. *(Встает решительно.)* Вот что, Тася, ты побудь пока здесь. Ты ведь сейчас в аптеку собиралась?

Тася. Да, я ночами хожу. Чтоб не узнал никто.

Иван Павлович. Я сам схожу. У меня есть знакомый провизор, вот я с ним и переговорю относительно этого дела. Он будет делать раствор по моему указанию. Посмотрим, может, что и выйдет. *(Одевает сюртук.)* Ты здесь пока подожди. А я постараюсь как можно скорее. *(Кивает Тасе и выходит.)*

Тася *(некоторое время сидит, сжавшись в комочек, потом медленно подходит к углу с образом и нерешительно опускается на колени и немело крестится)*. Господи, если ты существуешь на небе, сделай так, чтобы этот кошмар закончился! Если нужно, пусть Миша уйдет от меня, лишь бы он излечился! Господи, если ты есть на небе, соверши чудо!

Конец третьего действия

Действие четвертое

Гостиная Булгаковской квартиры в Киеве, сентябрь 1919-го года. Вера, Варя, Варвара Михайловна и Иван Павлович сгрудились у окна и машут на прощание. Слышен стук копыт и грохот отъезжающего экипажа. Провожжающие потихоньку расходятся от окна.

Варвара Михайловна. Все-таки, мне кажется, мы напрасно не поехали проводить Тасю.

Вера. Мама, ну ты же слышала, что сказал Сережа. На вокзале – давка страшная. Тебя бы там насмерть затолкали.

Варвара Михайловна. Да, это правда... Но мне так хотелось проводить Тасю...

Варя. Не волнуйся, муж мой прекрасно справится сам. Мы в этой толчее ему бы только обузой были. *(Видит, что Варваре Михайловне плохо.)* Мама! *(Подхватывает ее под руку и усаживает в кресло.)*

Иван Павлович *(бросаясь к своему докторскому саквою-жу)*. Вера, воды, пожалуйста. *(Вера, убегает, Иван Павлович отмеряет капли в мерный стаканчик.)* Сорок девять, пятьдесят...

Варвара Михайловна *(утирая слезы платком)*. Все, все идет наперекосяк. В какое ужасное время мы живем. Как будто какой-то рок навис над нами, семья рушится, разваливается на глазах... Детей разметало в разные стороны...

Иван Павлович (*выливает лекарство в принесенный Вевой стакан*). Варюша, прошу тебя.

Варвара Михайловна (*ньет*). Надя в Москве... Кто знает, что там сейчас происходит? Письма приходят редко, я не знаю, что и думать, извожусь от беспокойства. А тут еще мобилизовали Мишу. И все это так внезапно... Я ночами не сплю, все думаю, как он там? Что с ним? Пишут, что во Владикавказе тиф... А вдруг, он заболел?

Вера (*обнимая ее за плечи*). Мамочка, все будет хорошо. Ты же знаешь, Миша у нас счастливчик. Помнишь, гетманскую мобилизацию в декабре? Миша вернулся домой в тот же день.

Варя. Да, и в феврале, когда петлюровцы мобилизовывали врачей, помнишь? Сбежал на следующий же день.

Варвара Михайловна. Нет, нет, разве можно сравнивать? Тогда, он хотя бы был в Киеве, или рядом. А сейчас?

Вера. Ничего с ним не случится. У него с собой браслетка Таськина.

Варвара Михайловна. Не говори глупости, чем Мише поможет эта браслетка?

Вера. Нет, мамочка, не скажи. Миша убежден, что она — счастливая. И я тоже в это верю.

Варя. И я.

Иван Павлович. Варенька, с Мишей все будет прекрасно. Насчет браслетки не знаю, но теперь, когда Тася будет с ним, я за Мишу совершенно спокоен.

Варвара Михайловна. Да, Тася, Тася... Господи, хоть бы она благополучно добралась... Поезда ходят из рук вон плохо.

Варя. Ну, конечно, доберется. Разве она может без Миши? Мне кажется, она бы даже и пешком к нему пошла.

Иван Павлович. Мише невероятно повезло. Я не знаю более преданной и самоотверженной женщины, чем наша Тася.

Варвара Михайловна. Да, Тася удивительно привязана к Мише. *(Встает.)* Мы, пожалуй, пойдем. Иван Павлович, помогите мне. *(Протягивает ему руку, чтоб он помог ей подняться.)*

Иван Павлович *(кланяясь)*. Всего доброго.

Варвара Михайловна. Варя, когда твой муж вернется, попроси его, пожалуйста, зайти к нам. Я хочу узнать, как он посадил Тасю.

Варя *(целуя мать)*. Хорошо, мамочка.

Вера *(целуя мать)*. Доброй ночи.

Варвара Михайловна и Иван Павлович уходят.

Варя. Знаешь, Вера, мама права. Наша семья рушится, разлетается в разные стороны. Даже мама и Иван Павлович... Я никак не могу привыкнуть, что они живут теперь на Андреевском.

Вера *(обнимает ее)*. Варя, ты что – плачешь? Ну, не надо, не надо, не плачь. Все рано или поздно наладится, и мы все снова соберемся в этой комнате, за этим старым столом. И снова будет музыка, и шарады, и...

Варя. Нет! Нет! Не лги! Ты тоже не веришь в это. Все кончилось, Вера. Ничего не осталось... Как мы будем жить? Что будет со всеми нами?

Вера. Не знаю. Никто пока не знает. (*В раздумье медленно ходит по комнате. Словно очнувшись.*) Пусто как без Таськи, тоскливо.

Варя. Зато она счастлива наконец – снова будет рядом с Мишей. Это просто невероятно, как она его любит. Я не знаю, чего бы она только не смогла для него сделать. Помнишь, когда Миша открыл кабинет, он никак не мог найти прислугу. Никто не хотел убирать за венерическими. А Таська – пожалуйста!

Вера. Это правда, Таська ради Миши на все готова. Странно даже. И какими восторженными глазами она на него смотрит. Знаешь, как собачонка просто. А у Миши романы постоянные. И Тася знает. Знает, а все равно любит.

Варя (*обнимает Веру за талию, кладет ей голову на плечо*). Счастливая Таська!

Вера (*задумчиво*). Счастливая? Да, наверно, счастливая.

Конец четвертого действия

Действие пятое

На сцене – убого обставленная комната. В глубине ее кровать с изменившимся до неузнаваемости Булгаковым. Он лежит в забытьи, неподвижный как покойник. Рядом с изголовьем обшарпанный табурет, на нем таз, полотенце и пузырьки с лекарствами. В комнате полумрак. Справа – дверь в комнату. Она приоткрыта, в неё поочередно заглядывают две женщины-армянки, обе в чёрном. Одна высокая, полная, с резкими грубыми чертами лица, другая маленькая и сухенькая. Говорят между собой на армянском, зрителю их речь переводит монотонный голос за сценой

Агавни. Кончился?

Мариам (заглядывает в комнату, пристально смотрит на больного). Нет ещё. А по-моему, так уж лучше бы ему умереть поскорее.

Агавни. Почему?

Мариам. Тогда бы эта несчастная женщина, его жена, перестала бы так мучиться. Сердце разрывается, глядя как она убивается. Днями и ночами сидит у его постели, ухаживает за ним, как за малым дитем.

Агавни. Друзья или родственники у них есть?

Мариам. Они нездешние, родственники далеко. А друзья все уехали, Агавни-джан, когда белые оставили город.

Агавни. Ей тоже надо было ехать. Зачем она осталась?

Мариам. Вот! И я о том же. Сколько раз ей твердила – поезжай, что тебе здесь делать? Нет, и слушать не хочет. Как я, говорит, мужа брошу. Да что я? Друзья ее приходили, тоже ехать уговаривали. Нет, бестолку все. А, по-моему, зря. Ему – что? Он все равно сегодня-завтра помрет, а она что будет делать, когда сюда красные придут?

Агавни. Деньги-то у них есть?

Мариам. Какое?! Все, что было ценного, она давно на рынок снесла. Докторам платить – надо? За квартиру платить – надо? За лекарство – тоже надо. Все вещи почти распродала. И хоть бы цену хорошую просила, так нет, за копейки все отдаёт, не торгуясь.

Агавни (*тихо, про себя*). Не торгуясь? Вот это мне нравится. (*Вслух.*) Где она сейчас?

Мариам. Не знаю, опять, наверно, на базар пошла.

Агавни. Пойдем, тогда. Нечего здесь попусту стоять, еще, не приведи Господь, заболеешь.

Мариам. Не бойтесь, Агавни-джан, нам доктор сказал, это не заразно. Сказал, его не то вошь, не то еще какая-то тварь укусила.

Агавни. Мало ли, что доктор сказал! Много они понимают, доктора эти. Он, небось, так нарочно сказал, чтобы хозяин с квартиры их не погнал. Пойдем.

Женщины скрываются. Больной остается один. Слышатся быстро приближающиеся шаги. Вбегает Тася. В ру-

ках у нее – нарядные туфли. Она швыряет их на пол и бежит к кровати.

Тася. Миша? Миша, ты как? (*Щупает ладонью лоб, качает расстроенно головой.*) Да ты горишь весь! (*Хватает полотенце, мочит в тазике и начинает протирать больному лицо, руки, грудь.*) Погоди, я оботру сейчас и тебе легче станет. Потерпи немного. (*Капает что-то из склянок в стакан, дает больному выпить, приподняв ему голову.*) Вот, теперь лекарство выпить надо. Ну, пей же. (*Миша закашливается, отворачивает голову.*) Ну, горько, да, знаю. Надо потерпеть, что же делать... Ну, давай, еще немножко осталось...

Миша выпивает остатки лекарства, откидывается на подушку. Тася сидит на его постели, держит его за руку и пристально вглядывается в лицо. В дверь просовывает голову Мариам.

Мариам. А, Тася, вернулась?

Тася. Да. Здравствуйте, Мариам.

Мариам. Как он?

Тася. Плохо. Лихорадка опять. А у меня лекарство заканчивается... И купить не на что.

Мариам. А туфли? На базар сходи, продай. Вот и деньги будут.

Тася. Ходила уже. Нет никого на базаре. Город будто вымер, все по домам сидят, нос высунуть боятся.

Мариам. Тася, слушай, к нам родственница приехала. Богатая очень. Хочешь, приведу ее? Может, она купит?

Тася (*обрадованно*). Богатая? Вот хорошо. Мариам, милая, тащи ее скорей. Я тебе по гроб жизни обязана буду.

Мариам. Э! Ты погоди радоваться, меня послушай сначала. Она хоть и богатая, а за копейку удавиться готова. Так ты ей не уступай, торгуйся. Торгуйся, поняла? Все, пошла. (*Исчезает и вскоре появляется уже вместе с Агавни, далее с ней говорит по-армянски*). Входите, Агавни-джан. Тася, это Агавни-джан, родственница моего мужа.

Тася. Здравствуйте, Агавни-Джан.

Агавни (*Мариам*). Что она сказала?

Мариам (*Тасе*). По-русски не говорит. (*Агавни.*) Она говорит, что для нее великая честь видеть Вас в своем доме.

Агавни (*удовлетворенно кивает*). Мне сказали, Вы вещи продаете? Я хочу посмотреть, что у вас есть.

Мариам (*Тасе*). Видала, как у нее глаза разгорелись? Как стервятник поживу почует.

Тася (*бросается к туфлям, поднимает и протягивает Агавни*). Вот, посмотрите. Новые почти. Берите, я недорого возьму.

Агавни (*брезгливо вертит в руках туфли, отдает обратно*). Это что, туфли? Срамота какая! Вот какие туфли носят порядочные женщины. (*Приподнимает край платья и обнаруживает под ним ноги в огромных, грубых, почти мужских ботинках*

Мариам. Нет, туфли не хочет. Фасон не ее, понимаешь.

Тася (*бросается к шкафу, вынимает и передает Агав-*

ни нарядную шляпку). Посмотрите, правда ведь, прелесть? Очень вам пойдет.

Агавни (*подняв руки в протестующем жесте*). Уберите, уберите это от меня! Этого еще не хватало! В таких шляпках только распутницы ходят.

Мариам. Э, Тася, слушай, шляпку не надо, она шляпок вообще не носит.

Тася (*расстроено*). Мариам, я не знаю, что ей надо?

Мариам. Агавни-джан, может, Вы сами скажете, что Вам угодно?

Агавни (*выставив толстый указательный палец*). Браслетку возьму.

Мариам. Ишь, ведьма! Браслетку хочет.

Тася (*в испуге отдергивает руку, прячет за спину*). Нет!

Мариам. Тася, ты что?! Пусть хоть браслетку купит, язва ее заberi.

Тася. Нет, нет. Только не браслетку. Миша мне вовек не простит. Пусть берет, что хочет, а браслет – не могу. У нас столовое серебро есть. Очень хорошая работа...

Мариам. Тася, ты видишь, как ее разобрало? Она сквалыга сквалыгой, но ежели что захочет, хорошие деньги может дать. На лекарства хватит, на квартиру, на все. Смотри, а то уйдет.

Тася. Ну, пусть. А браслет все равно не получит. Он у нас счастливый. Как же я свое счастье продам?

Мариам. Ну, как знаешь. (*Агавни.*) Простите, Агав-

ни-джан, к сожалению, браслетка не продается. Эта женщина предлагает вам вместо нее столовое серебро прекрасной работы.

Агавни (*раздраженно всплескивает руками, поворачивается уходить*). Ах, так?! Пойдем, Мариам. Вы посмотрите на эту гольтьбу! Она еще и привередничает! (*Мариам семенил за ней к выходу*).

Тася (*борется с собой, потом бросается за ними*). Стойте! Возьмите кольцо. (*Снимает и протягивает обручальное кольцо*).

Агавни (*поворачивается, берет кольцо, взвешивает на ладони, смотрит на свет*). Золотое?

Мариам. Золотое, золотое.

Агавни (*после долгого раздумья*). Ну, уж так и быть. Только из сострадания к вашему положению.

Мариам. Берет.

Агавни (*поворачивается к Тасе спиной, задирает юбки и достает из-за чулка мятые грязные бумажки, отсчитывает три купюры, потом, подумав, одну забирает обратно, остальные протягивает Тасе*). На.

Тася (*берет купюры, с удивлением рассматривает их*). Это все? Так мало?

Мариам. Агавни-джан, она говорит, кольцо очень ценное. Надо бы прибавить.

Агавни. Прибавить? Вот бесстыдница! Да она руки мне целовать должна, что я у нее это дрянное колечко взяла. Да-

вай деньги! *(Протягивает руку с кольцом и вторую, требуя деньги назад.*

Тася *(отшатываясь)*. Хорошо, хорошо, пусть забирает.

Мариам. Агавни-джан, она говорит, не надо больше денег, носите на здоровье.

Агавни, презрительно вздернув плечи уходит. Мариам семенит за ней. Тася медленно идет к кровати, кладет бумажки на тумбочку и садится на постель. Берет полотенце и терпеливо смачивает Мише лоб и щеки. Неожиданно больной приходит в себя.

Миша *(тихо, едва слышно)*. Тася...

Тася *(радостно вскрикивая)*. Миша! Миша, голубчик, родной мой! *(Обнимает его, прижимаясь к нему всем телом.*

Миша *(морщась)*. Таська, прекрати, удушишь ведь. Сколько я провалялся?

Тася. Три недели почти. Миша, может, тебе суп сварить? Куриный? Хочешь?

Миша. Погоди ты с супом. После. Лучше скажи, что здесь теперь? Кто сейчас в городе?

Тася. В городе? Никого нет. Белые ушли, скоро, говорят, красные придут.

Миша *(приподнимаясь)*. Как?! Ушли? Когда?!

Тася. Да вот как-ты свалился, так где-то дня через три и ушли...

Миша. Таська, что ты наделала... Надо было с ними убираться.

Тася. Миша, Бог с тобой! Ты же едва живой был. Доктор сказал, я тебя даже до Тифлиса не довезу.

Миша (*презрительно*). Доктор! Знаю я здешних докторов, все до одного – болваны. Как ты могла послушать его?!

Тася. Да как же, Миша? Это ведь из больницы доктор. Как же я его не слушаюсь?

Миша. Ну, вот и послушалась, поздравляю. Ты сама-то понимаешь, что натворила? Ты же нас погубила напрочь! Мало ли кто что сказал, а ты все равно должна была меня вывезти отсюда. Да что теперь говорить!

В это время дверь приоткрывается, в щель видно подсматривающих и подслушивающих Агавни и Мариам. Разговаривают шепотом.

Агавни. Ты смотри-ка! Ожил покойничек-то! Что он шумит так?

Мариам. Ругается, зачем жена его не увезла. Вот они – мужчины! И это благодарность за все, что она для него сделала, бедняжка?

Агавни. Э! Я всегда говорила, от мужчин добра не жди. Слава царице небесной, что я не замужем и сама себе хозяйка. Пойдем, Мариам. Нечего тут стоять бестолку. Досадно только, что он так быстро очнулся. Поболей он еще с недельку, глядишь, браслетка все ж бы мне досталась.

Свет гаснет.

Конец пятого действия

Действие шестое

Конец февраля 1922-го года. Квартира Булгаковых в Москве на Большой Садовой, 10. За письменным столом с обмотанной полотенцем головой работает Булгаков. Время от времени дует на пальцы, растирает руки. Рядом за маленьким столиком пристроилась Тася в темном выдавшем виды платьишке. Она пишет письмо. В комнате работает примус, на котором в кастрюльке греется вода. За стенами комнаты периодически слышны пьяные голоса соседей, иногда верещит мальчишка, которого лупцует мать.

Тася (голос за сценой). «Милая Надюша! Ты просишь писать о нашем житье-бытье в Москве. Живем очень плохо, в основном тем, что продаем вещи, да и тех почти не осталось. Миша хотел занять сколько-то, чтобы поехать на похороны Варвары Михайловны, но в долг взять совершенно не у кого. Он переживал страшно, да что сделаешь? Денег нет ни копейки. Миша берется за любую работу, лишь бы платили. Даже в трупке какой-то бродячей играл. Питаемся впроголодь. Бывает по три дня голодаем. Бережем каждое полено. Спасибо, хоть крыша над головой есть. Не знаю, как бы мы пережили эту зиму, если бы вы с Андрюшей не приютили нас в вашей комнате?»

Миша. Таська, воду!

Тася вскакивает, наливает из кастрюльки в миску горя-

чую воду, смешивая ее с холодной из графина, подносит миску Мише.

Тася. А, замерз? Ну, на, грейся.

Миша (*погружая в воду замерзшие руки*). Ух, хорошо! Удивляюсь я на тебя, Таська, живешь ты в тяжелейших условиях, и даже не жалуешься на нечеловеческую эту жизнь.

Тася. А что жаловаться? Я живу, как и ты. Грейся, давай.

Миша. Вот погоди, Таська, закончу роман, и мы с тобой заживем. Это будет ого-го, какой роман, можешь мне поверить. Он еще прогремит! Прогремит, будь спокойна. Что, не веришь?

Тася. Верю, верю.

Миша. А хочешь, я этот роман – тебе посвящу?

Тася. Хочу. (*Перебирает книги у него на столе.*) Что это за книги? Опять у Каморского зажилил?

Миша. Я договорился.

Тася (*дразня*). Я спрошу.

Миша. Попробуй только! Кому это ты письма пишешь?

Тася. Наде.

Миша. А! Очень кстати. Спроси ее, думают они с Андреем возвращаться сюда? Напиши, что прежде чем решаться на обратное переселение, она бы сперва прикинула состояние здоровья Андрея. Это я ей своим врачебным долгом почитаю сказать. А там пусть сама решает.

Тася. Ты лучше сам ей напиши. Мне неудобно...

Миша. Ну что ты, в самом деле, какая...

Тася. Надя боится, ты их выпишешь из комнаты...

Миша. Пусть не выдумывает, никто их, разумеется, отсюда выписывать не собирается. Ну, хорошо. Я сам ей потом напишу. *(Вынимает руки из миски).*

Тася *(забирая миску и протягивая полотенце)*. Держи.

Миша *(вытерев руки, передает ей полотенце обратно, просматривает свои записи и, скомкав, яростно бросает на пол)*. Черт, не то! Все это чушь собачья!

Тася *(подбирая брошенные комки бумаги)*. Что ты злишься? *(Разглаживает один листок, читает.)* «...На тебя одна надежда, пречистая дева. На тебя. Умоли сына своего, умоли господу бога, чтоб послал чудо...». Это что, молитва?

Миша. Дай сюда! *(Вырывает у нее листок, читает, мучительно думает)*. Слушай, Таська: Турбин умирает, Лена просит у богородицы о его спасении... Но богородице нужна жертва, понимаешь? Что если она вместо его жизни на алтарь мужнюю жизнь положит?

Тася. Как это?

Миша. Ну, как? Очень просто – скажет богородице, ты, дескать, лучше возьми жизнь мужа, только брата моего спаси.

Тася. Придумал тоже! Это ж какое сердце надо иметь?

Миша. Ты, Таська, не понимаешь ничего. Тут психология брошенной женщины. Ты заметь – Тальберг-то ее бросил...

Тася. Мало ли, что бросил, это все равно. Ты мне скажи – любит она его?

Миша. Да какая разница?

Тася. Ну, как же? Если любит, так нипочем его жизнь за брата не отдаст.

Миша. Ну, а если нет?

Тася. А если нет, то какая же тут жертва?

Миша. Ну, тогда скажи, что, по-твоему, на какую самую большую жертву могла бы решиться женщина ради спасения брата?

Тася. Знаешь, Миша, если она мужа любит, так самая большая жертва с ее стороны, отказаться от надежды снова его увидеть.

Миша. Ну, ну! Это ты сейчас так говоришь, а вот если я б от тебя ушел, ну, к примеру, к другой женщине, небось бы не так заговорила?

Тася. Думаешь, я б твоей смерти пожелала?

Миша. А будто бы нет?

Тася. Дурень...

Слышится стук в дверь и пьяный голос: «Дуся, открой!»

Тася (*громко*). Рядом!

Пьяный голос: «Я извиняюсссь...». Слышны неуверенные шаги и стук в соседнюю комнату.

Миша (*в бешенстве срывает с головы полотенце*). Проклятый дом! Извольте поработать, когда с одной стороны у тебя соседи с их бесконечными пьяными драками, напротив благим матом орет мальчишка, которого истязает мать! И чего лучше – за другой стенкой проститутка-Дуська, к кото-

рой что ни день клиенты шастают. Куда только жилтоварищество смотрит?! Выписать бы всю эту дрянь на раз.

Тася. Миша, ну вот на счет Дуси – это ты зря. Вообще она женщина хорошая, скромная. Она, между прочим, меня рожь на обухе молотить научила.

Миша (*снимая домашнюю одежду и одеваясь на выход*).
К черту!

Тася. Ты куда это?

Миша. В библиотеку пойду. (*Одевает бабочку, франтоватый пиджак.*)

Тася. А чего наряжаешься тогда так?

Миша. Я, может, в редакцию забегу еще. Мне там за фельетон должны были. (*Одевает пальто.*) Чертовски жалко, что браслетка твоя в закладе. Она мне сейчас ох, как пригодилась бы. Я брату Косте в Киев на той неделе написал. Если выбью гонорар сегодня, пошлю ему денег, пусть выкупит поскорей.

Тася. Что-то ты уж слишком нарядный для редакции-то.

Миша. Так нужно. Я тут много с кем общаюсь в литературных кругах. Так вот там говорят, да я, впрочем, и сам это вижу, что огромную силу здесь, в Москве, бабы имеют. И уж коли хочешь в литературе пробиться, верней всего через них действовать. Так что имей в виду, если ты меня на улице встретишь с женщиной, сделаю вид, что мы не знакомы.

Тася. Вот еще новости!

Миша. Ты что, ревнуешь, что ли? (*Подходит к ней, она*

отворачивается.) Брось, Таська. Тебе не о чем беспокоиться – никуда я от тебя не уйду. (*Тася разворачивается и дает ему пощечину.*) Ты, Таська, дура! (*Берет шляпу и уходит, громко хлопнув дверью.*

Тася (*постояв как потерянная, медленно возвращается к своему столику и садится дописывать письмо*). «Миша работает над романом. Пишет дома, а потом носит перепечатывать машинистке. Кажется, у него там, роман...»

Свет гаснет.

Конец шестого действия

Действие седьмое

Февраль 1940-го года. Сцена разделена на две части. В левой части сцены – комната Булгаковых на Большой Садовой, но в ней произошли существенные изменения. Появились новые предметы мебели и разные безделушки. По комнате, ходит, о чем-то думая и передвигая туда-сюда мебель, Булгаков. Он в хорошей рубашке, прекрасно выглядит. Тася шьет что-то в кресле, на ее руке – счастливая браслетка. Эта часть сцена немного заволакивается туманом, как во сне. Правая часть тонет в темноте.

Миша. Как ты думаешь, Таська, влезет сюда кровать?

Тася. А зачем нам еще кровать?

Миша. Помнишь, Любу Белозерскую? Она тебя фокстрот еще танцевать учила? Ну, вот, она с мужем разошлась. Ей

сейчас жить негде. Пусть она с нами живет.

Тася. Это как это? В одной комнате?

Миша (*раздражаясь*). Ну, и что такого? Мы ширму поставим.

Тася (*твердо*). Нет, нельзя!

Миша (*крича*). Но ей же жить нигде! А у нас комната большая...

Тася. Нет!

Миша. Неужели же бедной женщине необходимо уезжать в Италию, только потому, что в Москве для нее не нашлось места даже за перегородкой?

Тася. Нет, нет, нет! (*Отбрасывает шитье, бросается ничком на кровать и захлебывается слезами*)

Миша (*конфузится, подходит к ней, похлопывает по плечу*). Ну, Таська, чего это ты разнюнилась?

Тася (*сквозь слезы*). Мы разойдемся...

Миша. Вот еще выдумала! С чего ты взяла вдруг?

Тася (*размазывая слезы*). Помнишь, мы на Новый год у Саянских на воске гадали? У меня все глупость какая-то выходила, а у тебя сплошь одни кольца. Вот увидишь, мы разойдемся...

Миша. Брось, Таська, ну что ты в ерунду эту веришь?

Тася. Я знала, что так будет. Вот когда кольцо обручальное продала, так меня и кольнуло – беде быть. Я бы в жизни с ним не рассталась, да как иначе было денег достать?

Миша (*приобнимает ее за плечи*). Глупая Таська! Что ты

себе напридумывала? Суеверия какие-то! Совсем как крестьянские бабы в Никольском...

Тася (*прижимаясь к нему, и всхлипывая*). Неправда, я не суеверная вовсе. А только, знаешь, Миша, это примета верная...

Миша. Ну, уж. Лучше посмотри-ка, что у меня есть. (*Вынимает с торжеством из кармана браслетку*).

Тася (*радостно*). Браслетка моя! Миша, откуда?

Миша (*доволен произведенным эффектом*). Брат Костя прислал. Я ему в Киев денег выслал. Держи! Я ж обещал, что выкуплю, вот и выкупил. Ну, не будешь больше плакать?

Тася (*утирая слезы*). Не буду.

Миша. Ну вот, и отлично. (*Прихоракиваясь перед зеркалом*.) Да, забыл сказать, нас сегодня на обед Толстые звали. Так ты давай, собирайся.

Тася. Не пойду я к ним. Подлец, твой Толстой.

Миша. Фью! Таська, тебя какая муха сегодня укусила? Чем это он подлец?

Тася. Думаешь, я не слышала, что он тебе говорил? Прекрасно слышала!

Миша. И что же?

Тася (*подражая голосом Толстому*). «Жен, батенька, менять надо. Чтобы в литературе пробиться, трех жен сменить надо».

Миша. Таська, ну, что ты, ей-Богу! Да он пошутил просто, а ты невесть что себе напридумывала.

Тася. Хороши шутки, нечего сказать.

Миша. Таська, брось дуться. Пойдем в гости.

Тася. И не подумаю.

Миша. Ну, как знаешь. А я пойду. *(Приглаживает волосы перед зеркалом и уходит.)*

Тася делает попытку броситься за ним, но перед ее носом с грохотом захлопывается дверь. Тася, как потерянная, застывает посреди комнаты. Гаснет свет.

Конец седьмого действия

Действие восьмое

Сначала издалека. А потом все явственнее, раздаётся звонок телефона. Женский холодный голос произносит: «Михаил Афанасьевич болен». Эхо на все лады повторяет эту фразу. Комната тонет в темноте. Становится видна левая часть сцены. Там, в полумраке, на кровати лежит изменившийся до неузнаваемости Булгаков в темных очках и черной шапочке. В дверь на цыпочках заходит Надя, подходит к кровати.

Булгаков. Кто здесь? (Поднимает руку и ощупывает ее лицо.) А... Надя. Ты почему одна? Где Андрюша?

Надя. Елена Сергеевна не разрешает. Сказала, врачи не велели тебя утомлять.

Булгаков. Глупости! Приходите завтра вместе. Я соскучился по Андрюше. Пусть обязательно приходит.

Надя. Мы придем. Андрей будет очень рад повидать тебя.

Булгаков. Что там шуршит у тебя все? Газеты?

Надя. Да, я тебе «Советское искусство» купила.

Булгаков. Ба! Вот не знал, что у тебя такие возможности.

Надя. А, ты шутишь... Я рада, что ты сегодня в хорошем настроении. Знаешь, мне кажется, ты и выглядишь нынче значительно лучше и бодрее.

Булгаков. Брось, Надя, не лги. К чему это? Я врач и прекрасно отдаю себе отчет, что дело мое дрянь. Я умираю. Так

должно быть, это нормально. Ну, не плачь, не плачь. Я хочу, чтоб ты вспоминала меня веселого. Так что там? Ругают меня опять?

Надя. Никто тебя не ругает, не придумывай.

Булгаков. Что? Неужто, хвалят?

Надя. В этом номере про тебя ни слова. Я просто подумала, тебе будет интересно, что сейчас в театрах... (*Раскрывает газету, просматривает заголовки.*) Вот, послушай: «В Комитете по делам искусств на днях состоялась читка и обсуждение новой пьесы Н. Погодина «Кремлевские куранты». Пьесу читал автор. В обсуждении приняли участие...».

Булгаков. Оставь, Надя. Не нужно... Прикрой-ка дверь.

Надя. Зачем?

Булгаков. Не надо, чтоб Люся волновалась.

Надя (*прикрывает дверь, усаживается на место, берет его за руку*). Ну, вот, мы одни. Что ты хотел мне сказать?

Булгаков. Надя, это моя последняя воля к тебе... Я хочу видеть Тасю...

Надя. Тасю?

Булгаков. Да. Я очень виноват перед Тасей. Я хочу у нее прощения просить. (*Помолчав.*) У меня бессонница теперь, лошадиные дозы снотворного пью, а бестолку. Лежу как бревно, с той лишь разницей, что оно-то, кстати, ничего не чувствует, а я... (*Истукленно.*) Господи, Надя, если б ты знала, как я мучаюсь... И, добро бы, терзала меня только физическая боль – с ней я уже смирился, притерпелся кое-

как... Но куда прикажешь деваться от тех страданий, какие причиняет мне моя совесть? Все самые гаденькие мои мыслишки, все подленькие поступки, про которые я думать забыл, услужливо извлекаются ею из глубин памяти, чтобы изводить меня до иступления... Знаешь, Надя, я очень много в жизни подлостей сделал. Но всего сильнее терзают меня мысли о Таське. Бог меня за нее накажет, с ней я поступил подло до чрезвычайности. *(Помолчав.)* Писала она тебе про наш развод?

Надя. Нет. Ты же знаешь, Тася никогда не жаловалась.

Булгаков. Все было очень обыденно – ни сцен, ни скандалов. Просто сказал ей как-то после завтрака, что если найду подводу, уйду от нее сегодня. Подводу я нашел. Сложил книги, вещи какие-то, не помню, что еще... Таська же мне и помогала, а потом мы вместе их на подводу оттащили и я уехал. Да, вот еще что мне запомнилось тогда: я у Таськи на прощание браслетку ее попросил. Она не дала. Я и упрашивал, и купить предлагал даже – ни в какую. А вообще, странное дело, она была абсолютно спокойна в тот день, ни слез, ни упреков.

Надя *(тихо)*. Я была у нее на следующий день. Тася лежала в холодной квартире, разбитая, без сил совершенно. Соседка сказала, что она рухнула, сразу, как ты ушел... *(Утирая слезы платком.)* Я не представляю, что она чувствовала тогда – одна, без денег, без профессии, без тебя, которого она считала смыслом своего существования...

Булгаков (*оправдываясь*). Я помогал ей потом. Деньги несколько раз приносил, продукты. Иногда браслетку у нее брал. Ну, там, если договор заключить, или гонорар надо выбить. И всегда работало. (*С усилием.*) А однажды, принес ей журнал...

В левой части сцена погружается в мрак, свет вспыхивает на правой половине. Тасина комната в полуподвале, скудная, почти нищая обстановка. Тася на кровати у окна шьет на машинке. Открывается дверь, входит Булгаков – он прекрасно одет, выглядит чрезвычайно довольным собой, в руках – журнал.

Булгаков. Таська?! Ты почему здесь? Я еле тебя нашел.

Тася (*пожимая плечами*). К соседям сын вернулся. Они назад комнату потребовали. Ну, вот меня сюда и выселили.

Булгаков (*возмущаясь*). Нет, каковы мерзавцы! Ты помнишь, когда жилкомиссия хотела уплотнить их пролетариатским матросом, они на коленях просили нас въехать к ним, а теперь, значит, успокоились? Ну, ничего, я им устрою еще!

Тася. Оставь, Миша, не нужно. Мне и здесь хорошо.

Булгаков. Ну, смотри. Ты, кстати, почему с курса машинисток ушла? Это для тебя самая подходящая профессия, без работы не останешься.

Тася. Не могу я там... Голова болит ужасно. Я на курсы кройки и шитья записалась. Вот, учусь. (*Кивает головой на машинку.*)

Булгаков. Ну, это прекрасно, прекрасно. А знаешь, что,

Таська, дай-ка ты мне свою браслетку взаймы. Мне тут с редакцией один договорчик подписать предстоит, так уж чтоб наверняка выгорело.

Тася. А что ж тебе твоя новая жена, не покупает браслетки?

Булгаков. Брось, Таська. Ну, чего ты дуешься? Смотри-ка, что я тебе принес. *(Протягивает журнал.)* Напечатали таки.

Тася *(просияв)*. «Белая гвардия»? Господи! Миша, поздравляю! Поздравляю тебя! *(Открывает журнал, ищет начало. Неожиданно, ее лицо потухает, бледнеет.)* Что это?

Булгаков. Что? А, это? *(Смущенно)*. Тася, ну ты понимаешь, она меня попросила. Ну, я и не смог отказать. Я чужому человеку не могу отказать, а своему – могу.

Тася *(швырнув журнал ему в лицо)*. Ты обещал посвятить роман мне! Мы же все, все это вместе прожили – стрельбу на мосту, немцев, Петлюру, гетмана. Все эти страшные дни в Киеве. А когда ты писал роман? Кто грел тебе воду, когда у тебя от мороза сводило пальцы? Ты тогда даже не был знаком с этой своей... Белозерской.

Тася *отворачивается от него, припадает лбом к стене комнаты и закрывает лицо. Булгаков, помявшись, поднимает журнал и бесшумно выскальзывает в дверь. Тася не замечает этого. Из окна доносятся звуки шарманки. Потом, сначала издали, затем все ближе и ближе, и снова затихая, слышится крик старьевщика: «Берем старые вещи! Покупаем золото, серебро!».* Тася, как безумная, смот-

рит на свою браслетку, потом сдирает ее с руки, бежит к окну, распахивает его и, выставив в окно браслетку, кричит: «Стойте!». Снова срывается с места и выбегает в дверь. Слышен быстро удаляющийся стук ее каблучков и крик: «Стойте!» Правая часть сцены погружается во мрак. Освещается левая часть сцены.

Булгаков. Я потом как-то случайно увидел Таськину браслетку в окне какой-то лавки. Не помню, ломбард это был, или антикварный. Конечно, я купил его. (Достаёт из-под подушки браслет.) Но только, видно, с тех пор он растерял все свои счастливые свойства. Теперь это просто дорогая безделушка...

Медсестра (входя в комнату с приготовленным шприцом). Пора укол делать. Давайте руку.

Булгаков (тихо и жарко). Надя, разыщи Тасю! Разыщи! Я должен попросить у нее прощения!

Медсестра (быстро и профессионально делает укол, берет руку Булгакова и считает пульс). Ну, вот, сейчас заснет.

Надя. Что вы ему колете?

Медсестра. Морфий, больше уж и не помогает ничего.

Надя (пораженно). Как морфий?! Да разве ж можно? А если опять возникнет привыкание?

Медсестра (снисходительно). Небось, не успеет. Вы, нечто, не знаете? Ему уж недолго совсем осталось. Так пусть хоть не мучается.

Миша (постепенно погружаясь в забытие). Надя, не за-

будь... Разыщи Тасю. Тасю...

Надя зажимает ладонями лицо, ее плечи вздрагивают от рыданий, сцена погружается во тьму, видно лишь лицо больного на подушке. Сначала оно искажено страданием. Потом черты его расслабляются, на лице появляется блаженное выражение и улыбка, его память возвращается в юность, в Киев. Появляется на сцене счастливая, освещенная прожектором пара – юные влюбленные, Миша и Тася. Они держатся за руки, кружатся. Миша, в порыве счастья, кричит: «Таська! Я буду любить тебя вечно!!!». Эхо подхватывает его крик, пара кружится, медленно гаснет свет.

Конец восьмого действия

Занавес

Изображение взято с ресурса <https://unsplash.com>